

Librarium

МАКС ВЕБЕР

ПОЛИТИКА
КАК ПРИЗВАНИЕ
И ПРОФЕССИЯ

РИПОЛ КЛАССИК

Librarium

Макс Вебер

**Политика как
призвание и профессия**

«РИПОЛ Классик»

1919

УДК 32
ББК 66.0

Вебер М.

Политика как призвание и профессия / М. Вебер — «РИПОЛ Классик», 1919 — (Librarium)

ISBN 978-5-386-10496-2

Макс Вебер – один из крупнейших политических мыслителей XX века. Он активно участвовал в политической жизни Германии, был ярким публицистом и автором ряда глубоких исследований современной политики. Вебер прославился прежде всего своими фундаментальными сочинениями, в которых, в частности, предложил систематику социологических понятий, среди которых одно из центральных мест занимают понятия власти и господства. В работах, собранных в данном томе, соединяются теоретико-методологическая работа с понятиями, актуальный анализ партийно-политической жизни и широкое историко-критическое представление эволюции профессии политика на Западе в современную эпоху, эпоху рациональной бюрократии и харизмы вождей. Данное издание в составлении доктора социологических наук Александра Филиппова включает в себя работы: «Политика как призвания и профессия» и «Основные социологические понятия». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-386-10496-2

© Вебер М., 1919
© РИПОЛ Классик, 1919

Содержание

К политической социологии Макса Вебера[1]	6
I. Источники	6
II. Политическая история и научная биография	10
III. К политической социологии: основные понятия	14
Макс Вебер. Политика как призвание и профессия	18
Политика как призвание и профессия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31
Комментарии	

Макс Вебер

Политика как призвание и профессия

© Филиппов А. Ф., перевод на русский язык, вступительная статья, 2018

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

К политической социологии Макса Вебера¹

І. Источники

В этой книге помещены две работы Макса Вебера (1864–1920), относящиеся к самому позднему периоду его творчества. И по жанру (одна из них – брошюра, написанная на основе публичной лекции, другая – теоретико-методологическая глава фундаментального научного труда), и по предмету (становление современного государства и профессии политика, с одной стороны; проблематика и систематика понимающей социологии – с другой) они очень разные, не говоря уже об авторской интонации и стилистике. Вебер был выдающимся оратором и публицистом, его речи и газетные статьи привлекали широкую образованную аудиторию, но его методически строгие тексты, посвященные тонкому анализу понятий, приводили и до сих пор приводят в отчаяние своей сложностью менее искушенных читателей. Соединение этих текстов в одном томике нуждается в дополнительном обосновании, помимо указания на то, что созданы они были практически в одно время. Здесь нам потребуется обратиться прежде всего к скучной, но важной материи: библиографии. История публикаций требует внимания, без нее многое непонятно.

Уже при жизни Вебер пользовался известностью и большим уважением, однако истинные, грандиозные масштабы всего, что он сделал и намеревался сделать, стали понятны только после его кончины, переиздания ранее разрозненных работ и публикации наследия. Это было нелегким делом. Вебер писал много, принимался за несколько разных тем, переделывал тексты, вступал в полемику, часто болел, отвлекался и не имел возможности доделать начатое. Настоящих, полноценных монографий, сопоставимых, например, с «Философией денег» его друга Георга Зиммеля, Вебер при жизни не выпустил, хотя по объему и организации материала многие его публикации лишь условно могут быть названы статьями и скорее напоминают книги. В последние годы Первой мировой, в начальный период становления Веймарской Германии он был очень активен политически, о чем речь еще пойдет ниже, но успеха в политической карьере не добился. Сосредоточившись исключительно на преподавательской и научной работе, Вебер принялся готовить к печати несколько книг, но не успел увидеть результаты своих усилий. Умер он неожиданно, от последствий гриппа.

В начале 20-х гг., посмертно, в свет вышло несколько сборников трудов Вебера. Один из них он успел составить и назвать сам: «Собрание сочинений по социологии религии»². Другие по большей части составляла вдова Вебера Марианна, она же дала им названия, отсылающие к этой книге. Получилась серия, как бы собрание собраний, демонстрирующее энциклопедизм Вебера и универсальность его дарований³. В «Собрание политических работ»⁴ вошел и публикуемый у нас доклад о политике, который до этого, при жизни автора, был напечатан в виде отдельной брошюры. В «Собрание сочинений по наукоучению»⁵ Марианна Вебер включила

¹ Работа выполнена в Центре Фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в рамках проекта «Спонтанность и длительность в социальной жизни: от эпизодов коммуникации к структурам порядка».

² Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Bd. 1. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1920. С корректурой этого тома он еще успел поработать. Последующие два тома вышли в свет в следующем году усилиями Марианны Вебер. Запланировано было четыре тома, но последний так и не был написан.

³ Последними в этом ряду были «Собрание сочинений по социальной и экономической истории» и «Собрание сочинений по социологии и социальной политике». См.: Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte; Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik*. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1924.

⁴ Weber M. *Gesammelte politische Schriften*. München: Drei Masken, 1921.

⁵ Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1922. Слово «наукоучение» в России

фрагмент⁶ первой главы книги, над которой Макс Вебер работал больше десяти лет и которую, в конце концов, она же и собрала из его рукописей разной степени готовности⁷. В 1921 г., под общим заголовком «Очерк социальной экономики. Раздел III. Хозяйство и общество», книга вышла четырьмя «выпусками» (Lieferungen), причем первый из них был еще самим Вебером прочитан на стадии корректуры⁸. В 1922 г. из них составилась большой том; в него вошли разные тексты, представлявшие, по мысли Марианны Вебер, в целом единый, хотя и не завершённый труд, первая часть которого была более абстрактной, методической и теоретической, а вторая была посвящена рассмотрению отдельных сфер социальной жизни. Выдержав несколько переизданий, уже после Второй мировой войны эта книга стала известна просто как «Хозяйство и общество»⁹. Когда ее изданием занялся Йоханнес Винкельман, в организации и составе «Хозяйства и общества» произошли изменения, в частности, то место в книге, где, в соответствии с пониманием замысла Вебера издателем, должна была располагаться глава по социологии государства, заняли его ранее опубликованные, искусно скомпонованные, тексты, в том числе и фрагменты доклада о политике¹⁰.

Винкельман недаром писал, что «осмелился» подойти к делу таким образом. Можно было бы сказать, что его смелость обернулась во вред всему предприятию, но современные исследователи Вебера предъявляют обоим первым издателям более существенные претензии, чем переделка опубликованных текстов в недостающую главу.

Мне представляется обоснованной позиция редакторов Полного собрания сочинений Макса Вебера, прежде всего, Вольфганга Шлюхтера, три десятилетия назад объявившего «мифом» «Хозяйство и общество». Конечно, правильнее было бы говорить не о мифе, но об артефакте издательской деятельности Марианны Вебер и Винкельмана¹¹. Неприемлемым для нового поколения исследователей Вебера стало представление включенных в «Хозяйство и общество» текстов, во-первых, как *единого* труда; во-вторых, как труда, логично разделяющегося на две части. Шлюхтер доказывает, что первая часть – наиболее поздний, хотя и не окон-

придумали для перевода термина Фихте «Wissenschaftslehre», который Марианна Вебер использовала, чтобы озаглавить сборник трудов Вебера по философии и методологии науки. Поэтому и в переводе мы используем этот неловкий, но привычный неологизм.

⁶ Первые шесть параграфов, озаглавленные «Methodische Grundlagen der Soziologie» («Методические основы социологии»). В последующих изданиях добавился еще один, седьмой параграф, а название стало таким же, как у всей главы книги «Основные социологические понятия».

⁷ Weber M. Grundriss der Sozialökonomik. III. Abteilung. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1922. В 1925 г. вышло ее расширенное второе издание, которое было воспроизведено в третьем издании 1947 г.

⁸ Эти сведения почерпнуты из редакционных статей Полного собрания сочинений Макса Вебера: Max Weber-Gesamtausgabe. Bd. I/23. Wirtschaft und Gesellschaft. Soziologie. Unvollendet. Tübingen: Mohr (Siebeck), 2013. См. в особенности: Zur Edition von „Wirtschaft und Gesellschaft“. S. X f.; Einleitung, S. 4.

⁹ В названии сначала сохранялось упоминание большой серии (или многотомника) экономических трудов, главным редактором которой был Вебер. „Grundriss der Sozialökonomik“ на русский переводят обычно (и, в общем, правильно) как «Очерк социальной экономики». Но слово «очерк» наводит на мысль о краткости. На самом деле речь идет о многотомном издании, к которому Вебер привлекал ведущих ученых Германии, так что правильнее было бы переводить его название как «Основы...». Впрочем, во второй половине XX в. никого уже не интересовало состояние немецкой экономической науки начала столетия. То, что вышло в серии, кроме книги Вебера, не переиздавалось, а у нее самой осталось лишь главное название. См.: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. 5. Revidierte Auflage, besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1972. Ниже оно цитируется по однотомному «учебному» изданию 1985 г. Винкельман работал над 4-м и 5-м изданиями. Последнее до сих пор остается образцовым для множества социологов по всему миру.

¹⁰ В предисловии к 4-му изданию Винкельман писал: «Макс Вебер так и не исполнил свой замысел создать социологию государства. Здесь мы – по сути, в дидактических интересах – осмелились заполнить этот пробел, соединив вместе важнейшие выводы относительно социологии государства, которые сделаны Вебером в работе, также посмертно опубликованной, “История хозяйства”, а также в политической статье “Парламент и правительство в новой Германии” и в докладе “Политика как профессия”». (Winckelmann J. Vorwort zur vierten Auflage, in: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. 5. Aufl. Studienausgabe. Op. cit. P. XXVIII f.). Винкельман был уверен, что это позволяет увидеть целостный замысел основного труда Вебера, поскольку теоретические и более наглядные части прекрасно соединяются и дополняют друг друга.

¹¹ См.: Schluchter W. “Wirtschaft und Gesellschaft”: Das Ende eines Mythos, in: Schluchter W. Religion und Lebensführung. Bd. 2. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1991. S. 597–634. Статья, легшая в основу этой главы, была написана в 1988 г.

ченный, вариант книги, которую Вебер в конце жизни начал писать заново с самого начала. Опираясь на переписку Вебера с издательством и ряд содержательных аргументов, эту часть в Полном собрании (Vd I/23) назвали «Хозяйство и общество. Социология. Не завершено». А вот вторая часть теперь считается не развитием первой, а подборкой относящихся к более раннему этапу текстов. Они образуют большие тематические блоки и в Полном собрании сочинений Вебера напечатаны в пяти книгах, выпущенных как части одного большого тома, предшествующего неоконченной «Социологии» (см.: Vd I/22–1–5).

Однако из этой в целом убедительно обоснованной позиции последовали и другие важные выводы относительно компоновки томов Полного собрания. Доклад о политике, хронологически примыкающий к самым первым главам «Хозяйства и общества», а тематически ранее всегда входивший целиком – в «Собрание политических сочинений», а фрагментарно – в 5-е издание «Хозяйства и общества», вошел теперь в другой том (Vd I/17), вместе с более ранним докладом Вебера «Наука как профессия», сделанным за год с лишним до выступления о политике. Шлюхтер обосновал это так: «Мотив для выступления и адресаты обоих докладов были одни и те же»¹². В другом месте он высказался более содержательно: «Оба доклада отличаются как от научных работ и университетских лекций Вебера, так и от его политических статей и предвыборных речей. Это „философские“ тексты, предназначенные наставлять индивида в постижении фактов и самоосмыслении, а одновременно – руководствовать в ответственном труде на службе тому, что выше личности. От готовности к такому самоотверженному труду в напряжении самоотдачи и дистанцированности зависит, считал Вебер, будущее немецкой нации и современной культуры»¹³. Достаточно ли таких и подобных им соображений, чтобы оправдать насилие над хронологией, столь важной для академических изданий? Этот вопрос вряд ли получит окончательное разрешение, разве что однажды будет предпринято новое полное собрание Вебера.

Во всяком случае, такое совмещение двух докладов, на которое пошли издатели Полного собрания, не полностью оправдывает себя в дидактических целях (повторим это слово за Винкельманом). Противопоставление философии и строгой науки у Шлюхтера выглядит вообще не совсем удачным, если иметь в виду те цели, которые ставили себе важные для Вебера философы¹⁴. Возможны и другие издательские комбинации работ Вебера. Мне кажется, что «Основные социологические понятия» и доклад о политике полезно прочитать именно одно за другим, причем порядок чтения может быть и логическим (тогда на первое место надо поставить «Понятия»), и хронологическим (тогда начинать надо с доклада). Мы выбрали второй путь.

Методический текст Вебера построен в точном смысле как *руководство*; в «философском» тексте, помимо нескольких страниц, имеющих прямое отношение к *практической философии* – этике и политике, – много собственно научных результатов, без которых его невозможно толком понять. Если поместить эти сочинения рядом, можно сразу увидеть внутреннее единство не столько замысла, сколько исполнения¹⁵. Связывают их между собой несколько моментов.

Во-первых, подчеркнем еще раз, Вебер эти работы писал хоть и не одновременно, но, во всяком случае, в один и тот же период. *Во-вторых*, оба текста он довел до высокой степени готовности, до издательской корректуры; что один текст вышел из печати при его жизни, а

¹² Einleitung, in: Weber M. Wissenschaft als Beruf, 1917/1919; Politik als Beruf, 1919. Max-WeberGesamausgabe. Bd. I/17. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1992. S. 1.

¹³ Nachwort von Wolfgang Schluchter, in: Weber M. Wissenschaft als Beruf, 1917/1919; Politik als Beruf, 1919. Studienausgabe der Max-Weber-Gesamausgabe. Bd. I/17. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1994. S. 91.

¹⁴ Название знаменитой статьи Э. Гуссерля «Философия как строгая наука» само просится на язык, и сопоставление Гуссерля и Вебера не было бы натяжкой, но в этом нет сейчас необходимости: главный, хотя и не безусловный и не все время одинаково значимый для Вебера философский ориентир – это Г. Риккерт, неустанно утверждавший научность философии.

¹⁵ Совершенно иначе, конечно, выглядели бы помещенные рядом, как в Полном собрании, оба доклада. Мы надеемся еще сделать такое издание по-русски, но оно еще требует предварительной работы.

другой – меньше чем через год после кончины, – это обстоятельство скорее случайное¹⁶. В *третьих*, между двумя работами есть глубокая содержательная связь.

Зрелая социология Вебера с основоположений нацелена на то, чтобы развернуться в политическую социологию, понятия власти и легитимного порядка, а также понятие политического союза входят, по Веберу, в число *главных социологических понятий*. Можно сказать, что доклад о политике *продолжает* социологическое учение о категориях, хотя по времени создания, скорее всего, предшествует ему, но можно сказать и по-другому: доклад о политике *готовит* читателя «Основных социологических понятий» к тому, чем завершится поражающее сухим юрицизмом чередование сухих определений действия, социального действия, власти и предприятия. Более сложное представление текстов Вебера могло бы стартовать, например, со статьи в «Логосе» «О некоторых категориях понимающей социологии»¹⁷ (1913), перейти к докладу о науке (1917) и докладу о политике (1919) и завершиться главой об основных понятиях (1920). Полное собрание, обеспечив исследователей самыми выверенными версиями текстов, открывает вместе с тем поле свободного сопоставления и комбинирования работ Вебера, между которыми могут обнаружиться самые разные связи и переклички. Это – дело ближайшего будущего.

¹⁶ В «Издательском извещении» по поводу текста доклада о политике достаточно туманно сказано, что, по сравнению с брошюрой, в сборнике “Gesammelte politische Schriften”, есть одно изменение, внесенное Марианной Вебер. Оно касается перемещения небольшого фрагмента текста, кажется в наши дни вполне разумным и к тому же, скорее всего, сделанным по прижизненным инструкциям самого Вебера. Это изменение издатели приняли, а в остальном, как они пишут, оставили публикацию в этом сборнике без внимания и опирались на текст брошюры. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что сам по себе текст в Полном собрании не заслуживает особого внимания, он интересен лишь потому, что на полях размещены подготовительные материалы к докладу («Stichwortmanuskript»). Поэтому, сделав почти тридцать лет назад перевод по первому изданию «Собрания политических сочинений», я не сверял его ни с брошюрой 1919 г. (в настоящее время общедоступной), ни с Полным собранием.

¹⁷ Считается, что это первая версия первой главы «Хозяйства и общества». Она представляет самостоятельный научный интерес. См. в русском переводе: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 495–546. Этот перевод М. И. Левиной, обладавший в свое время огромными научными достоинствами, скорее всего, тоже придется рано или поздно сильно модифицировать или отказаться от него в пользу нового перевода.

II. Политическая история и научная биография

«Духовный труд как профессия»¹⁸ – амбициозное название серии докладов, которую задумали и организовали лидеры студенческого союза «Freistudentischer Bund» («Союз вольного студенчества»). Немецкая молодежь, в том числе студенческая, издавна собиралась в союзы, сыгравшие большую роль в духовной и политической жизни страны. Движение молодежи (Jugendbewegung) на рубеже XIX–XX вв. было значительной силой. Знаменитый издатель и создатель легендарного кружка *Serakreis* в Лейпциге Е. Дидерихс¹⁹, видный деятель этого движения, в 1917 г. дважды устраивал в замке Лауэнштайн на севере Баварии встречи немецких интеллектуалов, обсуждавших будущее Германии. В них принимали участие и Макс Вебер, и Эрнст Толлер, поэт, драматург и молодежный активист, один из видных деятелей Союза. У Вебера были хорошие, интенсивные, но не лишённые проблем и напряжений отношения со студентами.

Большую роль в приглашении Вебера сыграл видный деятель Союза Иммануэль Бирнбаум, впоследствии влиятельный журналист. Вначале Веберу предложили сделать доклад «Наука как профессия». Он привлек широкое внимание интеллектуалов и произвел глубокое впечатление на слушателей²⁰. Доклад о профессии политика Вебер прочитал 28 января 1919 г., то есть спустя более чем год. Пригласить его для чтения также и второго доклада решено было достаточно быстро, тогда как еще два, посвященные искусству и педагогике, вообще не состоялись²¹. Известно, что и переговоры с издательством первоначально строились на том, что все четыре доклада выйдут вместе, но уже в скором времени стало ясно, что рассчитывать надо только на тексты Вебера, которые и были напечатаны отдельными брошюрами в 1919 г. Предварительно организаторы договаривались с Вебером еще летом 1918 г.; впоследствии, уже зимой, он хотел отказаться от доклада, и его пришлось уговаривать снова. Настроение у него было неважное. Известно, что Вебер в 1918 г. много занимался политикой, вел консультации, в том числе участвовал в очень важных заседаниях в министерстве внутренних дел по выработке проекта немецкой конституции²², выступал с речами, агитируя за Немец-

¹⁸ «Geistige Arbeit als Beruf». Каждое слово здесь требует специального толкования, ни одно нельзя понять вне контекста эпохи, а самое сложное для нас – «Beruf». Много лет назад П. П. Гайденок предложила учитывать ту трактовку его гениза в Лютеровском переводе Библии, которую мы находим у Вебера в «Протестантской этике». См.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 715. Сноска. «Beruf» – это не просто род занятий и даже не профессия в том более узком смысле слова, в каком говорили о врачах и юристах, но именно профессиональное призвание: человек призван Богом к деятельности по овладению миром, а не к бегству от него и не к бездеятельному созерцанию. В переводе П. П. Гайденок первый доклад Вебера «Wissenschaft als Beruf» (выполненный и повлиявший на научное сообщество задолго до указанной публикации) стал называться по-русски «Наука как призвание и профессия». Вслед за ней, переводя доклад о политике, я использовал те же два русских слова для передачи одного немецкого. Этот же перевод принят и в настоящем издании; пусть не безупречный, он устоялся, стал привычным. Тем не менее часто не только технически, для удобства чтения, но и содержательно более правильно указывать на одно, чаще второе значение. Поэтому в Предисловии, за редкими и необходимыми исключениями, я пишу просто «профессия», хотя вся терминология самого перевода, включая название, осталась такой же, как в предыдущих изданиях.

¹⁹ Я несколько раз писал о Дидерихсе в послесловиях к переводам Ханса Фрайера. Наиболее подробно см.: Филиппов А. Ф. Ханс Фрайер: краткий очерк жизни и творчества. В кн.: Фрайер Х. Теория объективного духа. СПб.: Владимир Даль, 2013. С. 326–356 (327–330).

²⁰ По поводу датировок этого первого доклада было много споров, в том числе среди современников, присутствовавших в зале. Я данном случае просто следую издателем Полного собрания, Вольфгангу Моммзену и Вольфгангу Шлюхтеру. Доклад «Wissenschaft als Beruf» состоялся 7 ноября 1917 г. Датировки, приведенные в «Избранных произведениях» Вебера (см. выше), основаны на более ранних изданиях. Они *устарели и не верны*. Вся фактография, относящаяся к организации и публикации докладов Вебера, в моем изложении основана исключительно на материалах Полного собрания как наиболее полных и достоверных и не имеет собственной научной ценности. Моя задача – лишь предварительно ввести читателя в курс дела.

²¹ Даже имена предполагававшихся лекторов – весьма почитаемого педагога Георга Кершенштайнера и необыкновенно плодотворного историка искусства и писателя Вильгельма Хаузенштайна – ничего не говорят современному читателю.

²² Веймарская конституция обязана Веберу рядом важных положений.

кую демократическую партию (Deutsche Demokratische Partei). С этой партией был связан и его самый большой политический успех, и самое большое разочарование. В декабре 1918 г. проходило выдвижение по округам кандидатов от партии в Национальное собрание, которое должно было принимать конституцию Германии. Вебера поддерживала партийная верхушка, его с энтузиазмом выдвинули на первое место среди прочих кандидатов, обойдя предложенный местной партийной бюрократией порядок номинирования кандидатур, на региональном партийном собрании во Франкфурте. Однако местные партийные деятели путем бюрократических уловок сумели изменить ситуацию, и в скором времени обнаружилось, что продвижение в Национальное собрание для Вебера здесь практически исключено²³. Таким образом, 5 января, публикуя свое заявление в связи с отказом от дальнейших попыток выдвижения, Вебер вряд ли был расположен в ближайшее время выступать с речью о призвании политика. Однако и в более широком плане дела в Германии не давали повода для оптимизма.

Чтобы несколько представить себе эту обстановку, вспомним лишь некоторые важные события, вернувшись – от даты его доклада – на несколько месяцев назад. В ноябре 1918 г. в Германии начались политические процессы, которые в ретроспективе называют Ноябрьской революцией. Уже в октябре 1918 г. стало ясно, что война Германией проиграна, 1 ноября началось Кильское восстание моряков, волнения быстро распространились на крупные города, и вскоре был низвергнут баварский король Людвиг III (автономия земель была еще очень велика, и первая республика была провозглашена в Баварии социалистом и пацифистом Куртом Эйсером, к которому Вебер, заметим, относился крайне негативно). Вскоре последовало отречение императора Вильгельма II. Однако получалось так, что именно возникающая республика будет нести ответственность и за военное поражение и унижительный мир, и разрушение гражданского порядка. Это входило в намерения имперской бюрократии и генералов, и это же вызывало негодование Вебера, считавшего именно их ответственными за многие роковые для страны решения. Революция не переросла в столь же длительную и масштабную гражданскую войну, как в России, но в Германии тем не менее началась тяжелая и часто кровавая борьба. Жертвами ее стали, между прочим, Карл Либкнехт и Роза Люксембург: – руководители левосоциалистического союза «Спартак», основатели коммунистической партии Германии были убиты 15 января 1919 г. членами фрайкора, добровольческой праворадикальной военной организации. Вебер негативно относился к «Спартаку», но бессудные, совершенные «неизвестными» политические убийства были противны самому духу того, что он считал ответственной политикой.

Знаменитая формула «государство с успехом претендует на монополию легитимного физического насилия» не случайно рождается у Вебера в это время. В нескольких крупных центрах Германии были сделаны попытки установить власть советов, организованную по образцу революционной России. Центральное правительство пыталось подавить это движение, ответом стали массовые забастовки. Пожалуй, дальше всего дело зашло именно в Баварии. 21 февраля Эйсер был убит правым радикалом графом Арко. 7 апреля была провозглашена республика советов, которой удалось успешно отразить в первые недели своего существования атаки фрайкора, однако уже 3 мая соединенными усилиями армии и фрайкора Мюнхен был взят под контроль центральным правительством.

Вернемся еще раз на несколько месяцев назад. 18 января начинается Версальская мирная конференция, а 28 июня подписан Версальский мирный договор. За месяц до этого Вебер вместе с несколькими почтенными коллегами подписал знаменитый «Меморандум немецких

²³ Подробности этой интриги освещены Вольфгангом Моммзенем в кн.: Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920. 3. verbesserte Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 2004. Kap. VIII.1. Niederlage und Revolution. Webers Tätigkeit für die Deutsche Demokratische Partei. S. 328 ff. Моммзен считал, что Вебер мог бы легко получить место и в центральных органах партии, и в Национальном собрании, но колебался, не будучи уверен, что это правильный выбор дальнейшей карьеры. Вместе с тем произошедшее сначала сильно вдохновило его, а затем выбило из колеи.

профессоров», в котором оспаривалось стремление победителей представить Германию единственной виновницей войны. Вебер не был согласен со всем строем этого документа, подготовленного немецкими официальными лицами, но эффекта меморандум все равно не имел²⁴. Разочарование Вебера, его мрачный настрой это только усилило. Уже вскоре после выступления с речью о политике он окончательно решил посвятить себя науке и преподаванию. В марте он принял приглашение Мюнхенского университета, а 1 апреля был назначен на должность профессора²⁵. С этого времени начиналась уже другая жизнь – сугубо научная, только вот длиться ей оставалось всего год. Правда, и в эту жизнь то и дело врвалась политика.

Когда Баварская советская республика успешно отбивалась от фрайкора, ее отрядами руководил упомянутый выше участник встреч в замке Лауэнштайн Эрнст Толлер, немецкий поэт и драматург, глубоко почитавший Вебера (настолько, что переходил из университета в университет, чтобы посещать его лекции). Толлер был среди тех, кто слушал доклад о политике и участвовал в последующей дискуссии с Вебером. Одной из привлекательных для молодежи сторон личности Вебера была его готовность к длительным спорам с теми, кто имел совершенно иной жизненный опыт, статус и политические взгляды, хотя отношения со студенчеством в конце его жизни были у Вебера непростыми и неровными. Когда, после разгрома Баварской советской республики, Толлер был арестован и судим по обвинению в государственной измене, именно свидетельство Вебера о том, что тот вел себя всегда исключительно в согласии с убеждениями, спасло Толлеру жизнь²⁶. Он вышел на свободу через несколько лет заключения. В некотором роде зеркальный случай произошел в 1920 г., когда суду был предан застреливший Эйснера граф Арко. Ему тоже грозила смертная казнь, но возмущение консервативного студенчества заставило власти отступить. Вебер был не согласен с этим, он называл такое поведение властей, используя старые, непечатные немецкие выражения публично, подлой трусостью. Если в 1919 г. ему приходилось наталкиваться на реакцию несогласия и непонимания со стороны левых и пацифистов, то в 1920 г. к нему все более настороженно относились правые, радикальные круги. Вебер совершенно не симпатизировал Эйснеру, но считал, что Арко лучше быть расстрелянным, лучше погибнуть героем за свои убеждения, нежели влачить жизнь «знаменитости кофеен». Его расстрел стал бы «могильным камнем на этом карнавале, украшенном гордым именем революции», его жизнь означает, что и Эйснер живет вместе с ним.

Не только для партийной бюрократии (на что указывает Моммзен), но и для многих знакомых Вебера странным было такое непредсказуемое сочетание политического реализма и этического ригоризма в политике. Далеко не столь позитивное отношение, как доклад о науке, вызвал и его доклад о политике. И, конечно, проблема тут была не только в практически-политических оценках и не в личных отношениях. Например, Карл Лёвит, в будущем знаменитый философ, был очень воодушевлен докладом о науке и разочарован докладом о политике. Лишь частично такое недовольство можно списать на характер «презентации». Вебер, сообщают издатели, с самого начала считал, что доклад получится не очень хорошим. Но ведь при-

²⁴ Сам он был настроен более жестко, непримиримо и не реалистически по отношению к требованиям союзников; его предложения по документу, сформулированные, кажется, в нарочито неприемлемом для дипломатов тоне, были отвергнуты. Один из лучших современных биографов Вебера Дирк Кэслер вообще считает, что немецкие чиновники совершенно не прислушивались к немецким профессорам и не собирались советоваться с ними, речь шла лишь о довольно циничном использовании их репутаций. Он цитирует, между прочим, очень горькое письмо Вебера Марианне, в котором тот сообщает, что по существу дела никто не задавал ему никаких вопросов. См.: Kaesler D. Max Weber: Preuße, Denker, Muttersohn. München: Beck, 2014. S. 37, 881 f.

²⁵ Эту кафедру до Вебера занимал знаменитый немецкий экономист Луио Brentano. С ним Вебера сначала связывали дружеские отношения, которые впоследствии по не вполне ясным причинам испортились. Вебер занял кафедру *экономическую*, но в Германии было принято указывать более точно, что станет предметом преподавания профессора. Впервые он потребовал указать среди этих предметов на первом месте «науку о обществе» (Gesellschaftswissenschaft).

²⁶ Еще раньше Вебер спасал Толлера от тюрьмы в Гейдельберге. См. подробнее: Derman J. Max Weber in Politics and Social Thought: From Charisma to Canonization. Cambridge, UK etc.: Cambridge University Press, 2012. P. 23 f.

шло на него довольно много публики, примерно, около сотни человек, а после выступления еще долгие часы продолжались разговоры со слушателями уже в приватной обстановке, на одной из мюнхенских квартир. Само отношение Вебера к политике, само видение настоящего и будущего, нескрываемая горечь пережитого исторического опыта не могли не сказаться на восприятии речи.

Стенограмма доклада не сохранилась, но судя по всему, он подвергся серьезной доработке для публикации и существенно увеличился в объеме. Вебер многое дописал, и вместе с его добавлениями и уточнениями получился оригинальный письменный текст, а не просто расшифрованная и авторизованная речь. Вебер мог ответственно подойти к выбору каждого слова, каждой формулировки, и это заставляет столь же внимательно вчитываться в его доклад, как мы это делаем с научными трактатами.

III. К политической социологии: основные понятия

Я не хотел бы повторять все, что было сказано о понимающей социологии и политической позиции Вебера в связи с предыдущей публикацией его работ²⁷. Остановлюсь лишь на нескольких принципиальных моментах, которых не касался в должной степени ранее.

Вебер обладал огромными познаниями в политической истории, однако в области сравнительного исследования современных партий находился под влиянием специалистов, таких, как М. Острогорский²⁸. Устройство партийной машины, характеристики современной плебисцитарной демократии, политическая журналистика – все то, о чем непременно напишет любой исследователь политической социологии Вебера, – являются лишь частью у него самостоятельных изысканий и, возможно, за сто лет за сто лет потеряли прелесть новизны, и даже информативность. Тем не менее Вебер остается классиком социологии и крупнейшим политическим мыслителем. Дело не только в том, что одним из первых он зафиксировал устройство партийно-электоральной машины и плебисцитарный цезаризм новых вождей, разделил политиков на тех, кто живет ради политики как таковой, и тех, кто живет за счет политики, и т. п. Все это необходимо знать, конечно, потому что политическая социология Вебера является неотъемлемой частью социологического и политологического образования, однако основательное знакомство с ней имеет более универсальное значение. Это можно увидеть, если вообразить себе окончание «Основных социологических понятий» и начало «Политики как профессии» в качестве своего рода сцепки, места сочленения большого единого текста, который, как я уже сказал выше, с одинаковым успехом можно читать, начиная и с доклада о политике, и с методической главы.

Чем завершаются «Основные социологические понятия»? В § 17 рассматривается понятие государства, которое трактуется при помощи понятий действия (я предпочитаю перевести «das Handeln» как «действие», подчеркивая тем самым его процессуальный характер) и союза. Завершается же он определением «иерократического союза» и церкви. Понятие действия является первым для этой главы и вообще первым для социологии Вебера, который, мы помним, говорил, что социология должна быть наукой о социальном действии. Таким образом, понятие действия, поскольку оно появляется в последнем параграфе первой главы, смыкает ее начало с завершением, и это заверщенное изложение главы приводит читателя к политическому и иерократическому союзам, к государству и к церкви. Внутри «неоконченной» «Социологии», то есть внутри первой части «Хозяйства и общества» в старых изданиях, за главой об основных социологических понятиях следует глава об основных социологических категориях хозяйствования, то есть, говоря в более привычных нам терминах, экономической социологии. Если действие по смыслу ориентировано на «полезность» и ее достижение, оно называется у Вебера «хозяйственно ориентированным». Хозяйственно ориентированное Вебер отличает от собственно хозяйствования, потому что средства для достижения полезностей могут быть насильственными, политическими. Хозяйствование же по сути своей – мирное, оно ориентировано на хозяйственный расчет. «Всякая рациональная политика хозяйственно ориентирована в области средств, и всякая политика может обслуживать хозяйственные цели. Точно так же (хотя теоретически это относится не ко всякому хозяйству) наш современный хозяйственный порядок в нынешних условиях нуждается в том, чтобы распорядительная власть над ресурсами была гарантирована правовым принуждением со стороны

²⁷ См.: Филиппов А. Ф. Социология и проклятие политического// Вебер М. Власть и политика. М.: РИПОЛ-Классик, 2017. С. 5–58.

²⁸ См., напр.: Baehr P. Caesar and the Fading of the Roman World: A Study in Republicanism and Caesarism. London: Transaction Publishers, 1998. P. 192. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 104.

государства, т. е. угрозой возможного насилия для сохранения и осуществления гарантий формально «узаконенных» распорядительских прав. Но само хозяйство, находящееся, таким образом, под силовой защитой, не связано с применением насилия»²⁹. Это важнейший момент. Действование Вебер рассматривает по схеме «цель / средство», причем он прекрасно знает об иерархии целей, так что ближайшая цель может оказаться средством для достижения следующей, более высокой. Поэтому, называя политику средством, а хозяйство целью (если несколько огрубить его высказывания, то получится именно это), Вебер говорит не о частных целях и средствах, не о фрагментах цепочек, в которых, например, нечто полезное просто отнимается, но с тем, чтобы пустить награбленное в экономический оборот. Он говорит о более стратегических вещах, о том, что насилие есть все-таки средство, а полезное – цель, и систематический расчет путей, ведущих к ней, – это хозяйствование, а не («хозяйственно ориентированный») грабеж. «Прагматика насилия противоречит духу хозяйства»³⁰. Полезностью Вебер далее объявляет «шансы применения», вещными благами – носителей этих шансов, а услугами – то, что обеспечивают люди своими действиями.

Разумеется, это, в свою очередь, может быть лишь частью более обширного рассуждения, потому что трактовка полезного и желание полезного далеко не самоочевидны и различны для разных эпох и культур. Вебер хорошо знает об этом, весь проект «Протестантской этики» вырастает как раз из поисков ответа на вопрос о том, как связать смысл хозяйственного действия с потребностью избежать наибольшего зла, смерти. Если каждое действие (единичный акт, как сказал бы через тридцать лет Т. Парсонс) является средством для достижения цели, которая может быть полезна для достижения следующей (например). Что, в принципе, именно хозяйствование могло бы иметь отношение к главной цели, то есть именно в успешном хозяйствовании заключен главный ответ на вопрос о высшем благе, – это именно тот результат, который мог бы удовлетворить Вебера на более раннем этапе его творчества. Однако «Основные социологические понятия», как мы видим, предполагают такой ответ лишь в качестве одного из возможных. Они недаром кончаются не понятием государства, а понятием иерократического союза.

Государство способно силой навязать порядок, при этом основные характеристики порядка не так важны, как средство – легитимное насилие. Насилие означает преодоление сопротивления. Чужая воля должна быть сломлена, но сломлена именно как воля, то есть подчинена, перенаправлена. Те, кто действуют, подчиняясь, в силу дисциплины и признания господства легитимным, не утратили способность к действию, к постановке цели и выбору средств. Но цель они ставят в соответствии с подчинением господствующему, и надежность этого господства (то есть шансы на то, что действующий не изменится, не перестанет подчиняться) называется порядком. Если бы порядок был обеспечен только грубой силой, он мог бы быть нарушен, скажем ответной силой, но он обеспечивается также *верой в легитимность*. Легитимность означает укоренение порядка в чем-то высшем, чем голая фактичность приказа, изменение временного горизонта подчинения по сравнению с тем, который может быть обеспечен грубым превосходством силы. Именно поэтому, подобно тому, как Вебер отделяет хозяйственно ориентированное действие от хозяйственного, он отделяет политически ориентированное действие от политического. Разные союзы (а союз – это способ организации действий) могут пользоваться насилием, но оно не будет легитимным; могут они и стремиться к тому, чтобы воздействовать на руководство политического союза, на организацию порядка, на исполнение власти. Но политическим в точном смысле является то, что связано именно с порядком, постоянным легитимным порядком государства.

²⁹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Op. cit. S. 32.

³⁰ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Op. cit. S. 32.

Итак, от действователя Вебер переходит к социальному действию, от него – к отношению, далее к закрытым отношениям, к отношениям по типу союзов, к союзам, в которых обеспечивается и которые основаны на господстве, далее к легитимному господству и легитимному насилию, монополии на которое имеют союзы на определенной территории. Они эту монополию могут потерять, средства господства могут быть экспропрированы, господство реорганизовано, но все равно порядок – порядок законного государства – *должен быть*. От категории действователя путь к категориям союза, господства и государства не так уж долог, но это совершенно иной путь, чем тот, который проложен в экономической социологии Вебера.

Вопрос все же остается открытым: как быть с насилием. Голый порядок и грубое насилие вряд ли будут считаться легитимными как таковые. Вот почему под конец главы Вебер вводит понятие иерократического союза, власть которого над людьми не насильственная, а «психическая». Он распределяет *блага спасения*. Казалось бы, это дополнение или альтернатива государству. Но Вебер осторожен: лишь церковь является учреждением, рационально, как «учреждение спасения», и монополично иерократически господствующим, скорее всего, хотя и не обязательно, господствующим над людьми на определенной территории. Обязательно ли блага спасения находятся у церкви? Обязательно ли речь идет лишь о спасении в христианском смысле? Обязательно ли «психическое господство» связано с религиозным – как бы оно ни понималось – спасением? На все эти вопросы ответ у Вебера отрицательный, и понятно, что социологии религии здесь не хватает так же, как и социологии политики (отчего, собственно, желание представить соответствующие главы «Хозяйства и общества» как развернутый ответ на эти вопросы всегда казалось столь естественным). Но «Политика как профессия» отчасти отвечает на эти вопросы.

В идее широкой демократической поддержки призванного политика, в идее харизмы как того качества, которое делает востребованной и возможной такую поддержку, мы видим прямое высказывание политико-социологического толка, в отличие от экономико-социологического. У порядка, у государственной бюрократической машины, у насилия есть не просто фактические средства обеспечить уважение к порядку, но также и некоторая собственная смысловая составляющая. Харизма в религиозном смысле открывала пути к трансцендентному, это была способность (благодатный дар) истолковать и научить правильному пути к спасению. Харизма в политическом смысле означала дар и способность сделать, так сказать, имманентное трансцендентным. Соединение волеий действующих – обычная тема политической философии – истолковывается как поддержка призванного политика, имеющая иной характер и иные следствия, чем то, что может быть получено путем простого сложения. Суверен Гоббса, общая воля Руссо – это предшественники веберовской харизмы как политической категории, которая, заметим, при этом истолковывается, с одной стороны, вполне эмпирически, как реальная вера, реальная надежда на спасителя-политика, а с другой – отчетливо отсылает к религиозной тематике, ибо связывает посюстороннее поведение не с моментальной хозяйственной потребностью, но с благами (политико-героически) понимаемого спасения. Почему вообще из массовой поддержки – тем более, если она выражена в таком феномене, как поведение избирателей, – может родиться понимание достоинств политика, которые напоминают о феноменах совершенно иного типа (религиозных) и других эпох (далеко отстоящих от модерна с его секуляризацией, превращением религиозного в светское)? – Эти вопросы разрабатываются уже *после Вебера*, но то, что ставятся они до сих пор, говорит не столько о неудовлетворительном характере предложенных им решений, сколько о том, что его социология радикальным образом поменяла всю рамку мышления о политическом, отчего важнейшие связи с традицией европейской мысли стали невидимыми для неискушенного взгляда. Реконструкция веберовской мысли именно в этом роде, то есть понимание Вебера не только как великого новатора, но и как наследника, продолжателя, является трудным, увлекательным и, возможно, в научном отношении очень продуктивным делом.

Александр Филиппов

Макс Вебер. Политика как призвание и профессия

Сборник

Политика как призвание и профессия

В соответствии с вашим пожеланием я должен сделать доклад, который, однако, непременно разочарует вас в нескольких отношениях. От разговора о политике как призвании и профессии вы произвольно будете ожидать высказываний и оценок по злободневным вопросам. Но об этом мы скажем лишь под конец, чисто формально, в связи с определенными вопросами, относящимися к значению политической деятельности во всем ведении жизни (*Lebensführung*). Из сегодняшнего доклада как раз должны быть исключены все вопросы, относящиеся к тому, *какую* политику *следует* проводить, какое, таким образом, *содержание следует* придавать своей политической деятельности. Ибо они не имеют никакого отношения к общему вопросу: что есть и что может означать политика как призвание и профессия? Итак, к делу!

Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному *руководству*. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, о политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем. Конечно, сейчас мы не берем столь широкое понятие за основу наших рассуждений. Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство *политическим* союзом, то есть в наши дни – *государством*.

Но что есть «политический» союз с точки зрения социологического рассуждения? Что есть «государство»? Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть *исключительно*, присуща тем союзам, которые называют «политическими», то есть в наши дни – государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, *средства* – физического насилия. «Всякое государство основано на насилии», – говорил в свое время *Троцкий* в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, *тогда* отпало бы понятие «государства», *тогда* наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать «анархией». Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства – об этом нет и речи, – но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно (*innerlich*). В прошлом различным союзам, начиная с рода, физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области – «область» включается в признак! – претендует (с успехом) на *монополию легитимного физического насилия*. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько *государство* со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство.

Итак, «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает.

В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это «политический» вопрос; о министре или чиновнике: это «политический» чиновник; о некотором решении: оно «политически» обусловлено, – то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны *подчиняться* авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований *легитимности* (начнем с них). Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного *дара* (Gnadengabe)^[1] (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, – харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или – в области политического – избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального *установления* (*Satzung*) и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил – господство в том виде, в каком его осуществляют современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды – страха перед мезью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение – и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана «легитимность» такой покорности, тогда, конечно, столкнешься с указанными тремя ее «чистыми» типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, чистые типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих чистых типов: это относится к проблемам «общего учения о государстве».

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной «харизме» «вождя». Ибо здесь коренится мысль о *призвании* («*Beruf*»³¹) в его высшем выражении. Преданность харизме пророка, или

³¹ Немецкое слово «Beruf» может быть переведено и как «профессия» и как «призвание». На основании анализа протестантизма Вебер пришел к выводу, что эта двусмысленность термина «Beruf» не случайна: она вырастает из понимания профессиональной деятельности как божественного призвания и приводит к весьма существенным выводам для европейского общества и европейской культуры последствиям. Поэтому мы для перевода «Beruf» используем оба указанных значения данного слова. – *Примеч. перев.*

вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне призванным руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам «вождь» живет своим делом, «жаждет свершить свой труд»^[2], если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой – избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера – вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является *политический* вождизм в образе сначала свободного «демагога», существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем – в образе парламентского «партийного вождя», выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе.

Конечно, главными фигурами в механизме политической борьбы не были одни только политики в силу их «призвания» в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род вспомогательных средств, которые находятся в их распоряжении. Как политически господствующие силы начинают утверждаться в своем государстве? Данный вопрос относится ко всякого рода господству, то есть и к политическому господству во всех его формах: к традиционному, равно как и к легальному, и к харизматическому. Любое господство как предприятие (Herrschaftsbetrieb), требующее постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязаящим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны, посредством этого подчинения в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия: личный штаб управления и вещественные (sachlichen) средства управления.

Штаб управления, представляющий во внешнем проявлении предприятие политического господства, как и всякое другое предприятие, прикован к властелину, конечно, не одним лишь представлением о легитимности, о котором только что шла речь. Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и социальным почетом (Ehre). Лены вассалов, доходные должности наследственных чиновников, жалование современных государственных служащих, рыцарская честь (Ritterehre), сословные привилегии, престиж чиновников (Beamtenehre) образуют вознаграждение, а страх потерять их – последнюю решающую основу солидарности штаба управления с властелином. Это относится и к господству харизматического вождя: военные почести (Kriegsehre) и добыча военной дружины, «spoils»³²; эксплуатация тех, кто находится под господством, благодаря монополии на должности, политически обусловленная прибыль и удовлетворенное тщеславие для свиты демагога.

Совершенно так же, как и на хозяйственном предприятии, для сохранения любого насильственного господства требуются определенные внешние материальные средства. Теперь все государственные устройства можно разделить в соответствии с тем принципом, который лежит в их основе: либо этот штаб – чиновников или кого бы то ни было, на чье послушание должен иметь возможность рассчитывать обладатель власти, – является самостоятельным *собственником* средств управления, будь то деньги, строения, военная техника, автопарки, лошади или что бы там ни было; либо штаб управления «отделен» от средств управления в таком же смысле, в каком служащие и пролетариат внутри современного капиталистического предприятия «отделены» от вещественных средств производства. То есть либо обладатель вла-

³² Распределение государственных должностей среди сторонников победившей партии. – *Примеч. перев.*

сти управляет *самостоятельно* и за *свой счет* организуя управление через личных слуг, или штатных чиновников, или любимцев и доверенных, которые не суть собственники (полномочные владельцы) вещественных средств предприятия, но направляются сюда господином, либо же имеет место прямо противоположное. Это различие проходит через все управленческие организации прошлого.

Политический союз, в котором материальные средства управления полностью или частично подчинены произволу зависимого штаба управления, мы будем называть «сословие»³³ расчлененным союзом. Например, вассал в вассальном союзе покрывал расходы на управление и правосудие в округе, пожалованном ему в лен, из собственного кармана, сам экипировался и обеспечивал себя провиантом в случае войны; его вассалы делали то же самое. Это, естественно, имело последствия для могущества сеньора (Негг), которое покоилось лишь на союзе личной верности и на том, что обладание леном и социальная честь (Ehre) вассала вели свою «легитимность» от сеньора.

Но всюду, вплоть до самых ранних политических образований, мы находим и собственное правление господина (Негг): через лично зависящих от него рабов, домашних служащих, слуг, любимцев и обладателей доходных мест, вознаграждаемых натурой и деньгами из его кладовых, он пытается взять управление в свои руки, оплатить средства из своего кармана, из доходов со своего родового имущества, создать войско, зависимое только от него лично, ибо оно экипировано и снабжено провиантом из его кладовых, магазинов, оружейных. В то время как в «сословном» союзе сеньор осуществляет свое господство с помощью самостоятельной «аристократии», то есть *разделяет* с нею господство, здесь он господствует, опираясь либо на челядь, либо на плебеев – неимущие, лишенные собственного социального престижа слои, которые полностью от него зависят и отнюдь не опираются на собственную конкурирующую власть. Все формы патриархального и патримониального господства, султанской деспотии и бюрократического государственного строя относятся к данному типу. В особенности бюрократический государственный строй, то есть тот, который в своей самой рациональной форме характерен и для современного государства и именно для него.

Повсюду развитие современного государства начинается благодаря тому, что князь осуществляет экспроприацию других самостоятельных «частных» носителей управленческой власти, то есть тех, кто самостоятельно владеет средствами предприятия управления и военного предприятия, средствами финансового предприятия и имуществом любого рода, могущем найти политическое применение. Весь этот процесс протекает совершенно параллельно развитию капиталистического предприятия через постепенную экспроприацию самостоятельного производителя. В результате мы видим, что в современном государстве все средства политического предприятия фактически сосредоточиваются в распоряжении единственной высшей инстанции (Spitze). Ни один чиновник не является больше собственником денег, которые он тратит, или зданий, запасов, инструментов, военной техники, которыми он распоряжается. Таким образом, в современном «государстве» полностью реализовано (и это существенно для его понятия) «отделение» штаба управления – управляющих чиновников и работников управления – от вещественных средств предприятия. Но здесь начинает действовать наисовременнейшая для нашего времени тенденция с попыткой открытой экспроприации подобного экспроприатора политических средств, а тем самым политической власти. Революции это удалось по меньшей мере в том отношении, что на место поставленного (gesetzt) начальства пришли вожди, которые благодаря противозаконным действиям или выборам захватили власть и получили возможность распоряжаться политическим штабом (людьми) и аппаратом вещественных средств и выводят свою легитимность – все равно с каким правом – из воли тех, кто находится под господством. Другое дело, насколько тут оправдана надежда осуществить на основе

³³ «standisch»

этого успеха – по меньшей мере кажущегося – также и экспроприацию внутри капиталистических хозяйственных предприятий, руководством которыми, в сущности, несмотря на далеко идущие аналогии, следует совершенно иным законам, чем политическое управление. Но от оценок этого вопроса мы сегодня воздержимся. Для нашего рассмотрения я фиксирую момент чисто *понятийный*: современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции.

В ходе политического процесса экспроприации, который с переменным успехом разыгрывался в разных странах мира, выступили – правда, сначала на службе у князя – первые категории «профессиональных политиков» во *втором* смысле, то есть людей, которые не хотели сами быть господами, как харизматические вожди, но поступили *на службу* к политическим господам. В этой борьбе они предоставили себя в распоряжение князьям и сделали из проведения их политики, с одной стороны, доходный промысел, с другой стороны, обеспечили себе идеальное содержание своей жизни. Подчеркнем, что *лишь* на Западе мы находим *этот* род профессиональных политиков на службе не только князей, но и других сил. В прошлом они были их важнейшим инструментом для исполнения власти и осуществления политической экспроприации.

Прежде чем заняться рассмотрением таких «профессиональных политиков» более подробно, надо всесторонне и однозначно выяснить, что представляет собой их существование.

Можно заниматься «политикой» – то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них – как в качестве политика «по случаю», так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как и при экономическом ремесле. Политиками «по случаю» являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например рукоплещем или протестуем на «политическом» собрании, произносим «политическую» речь и т. д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками «по совместительству» являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правления партийно-политических союзов, которые – по общему правилу – занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них *первоочередным* «делом жизни» ни в материальном, ни в идеальном отношении. Точно так же занимаются политикой члены государственных советов и подобных совещательных органов, начинающих функционировать лишь по требованию. Но равным же образом ею занимаются и довольно широкие слои наших парламентариев, которые «работают» на нее лишь во время сессий. В прошлом мы находим такие слои именно в сословиях. «Сословиями» мы будем называть полномочных владельцев военных средств, а также владельцев важных для управления вещественных средств предприятия или личных господских сил. Значительная их часть была весьма далека от того, чтобы полностью, или преимущественно, или даже больше чем только по случаю посвятить свою жизнь политике. Напротив, свою господскую власть они использовали в интересах получения ренты или прибыли и проявляли политическую активность на службе политического союза, только если этого специально требовали их господин или другие члены сословия. Аналогичным образом вела себя и часть вспомогательных сил, привлекаемых князем в борьбе за создание собственного политического предприятия, которое должно было находиться в его распоряжении. Это было характерно для «домашних советников» и – еще раньше – для значительной части советников, собирающихся в курии и других совещательных органах князя. Но, конечно, князь не обходился этими вспомогательными силами, действовавшими лишь по

случаю и по совместительству. Он должен был попытаться создать себе штаб вспомогательных сил, полностью и исключительно избравших как *основную* профессию службу у князя. От того, откуда он брал их, существенным образом зависела структура возникающего династического политического образования, и не только она, но и все своеобразие соответствующей культуры. Перед той же необходимостью оказались тем более политические союзы, которые при полном устранении или значительном ограничении власти князей политически конституировались в качестве (так называемых) свободных сообществ (*Gemeinwesen*) – свободных не в смысле свободы от насильственного господства, но в смысле отсутствия насилия, легитимного в силу традиции (по большей части религиозно освященной), со стороны князя как исключительного источника всякого авторитета. Исторической родиной таких союзов является только Запад, а зачатком их был город как политический союз, как таковой появившийся первоначально в культурном ареале Средиземноморья. Как выглядели во всех этих случаях *преимущественно* профессиональные («*haupt-be rufl ichen*») политики?

Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить «для» политики, либо жить «за счет» политики и «политикой» («*von*» *der Politik*). Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно, по меньшей мере идеально, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет «для» политики, в каком-то внутреннем смысле творит «свою жизнь из этого» – либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит «делу» («*Sache*»), и тем самым *придает* смысл своей жизни. Пожалуй, именно в таком глубоком внутреннем смысле всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом. Таким образом, различие касается гораздо более глубокой стороны – экономической. «За счет» политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода; «для» политики – тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог бы жить «для» политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно – весьма тривиальные, предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же, как частное лицо, занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях. Правда, дружина князя-военачальника столь же мало озабочена условиями нормального хозяйствования, как и свита революционного героя улицы. Оба живут добычей, грабежом, конфискациями, контрибуциями, навязыванием ничего не стоящих принудительных средств платежа, что, в сущности, одно и то же. Но это необходимо внеобыденные явления: при обычном хозяйстве доходы приносит только собственное состояние. Однако одного этого недостаточно: тот, кто живет «для» политики, должен быть к тому же хозяйственно «обходим», то есть его доходы не должны зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения своих доходов. Безусловно, «обходим» в этом смысле рантье, то есть тот, кто получает совершенно не заработанный доход, будь то земельная рента у помещика в прошлом, крупных землевладельцев и владетельных князей настоящего времени – а в Античности и в Средние века и рента, взимаемая с рабов и крепостных, – будь то доход от ценных бумаг или из других современных источников ренты. Ни рабочий, ни – на что следует обратить особое внимание – предприниматель, в том числе и именно современный крупный предприниматель, не являются в этом смысле «обходимыми». Ибо и предприниматель, и именно предприниматель, – промышленный в значительно большей мере, чем сельскохозяйственный, из-за сезонного характера сельского хозяйства – привязан к своему предприятию и необходим. В большинстве случаев он с трудом может хотя бы на время позволить заместить себя. Столь же трудно можно заместить, например, врача, и чем более талантливым и занятым он является, тем реже возможна замена. Легче уже заместить адво-

ката, чисто по производственно-техническим причинам, и поэтому в качестве профессионального политика он играл несравненно более значительную, иногда прямо-таки господствующую роль. Мы не собираемся дальше проследивать подобную казуистику, но проясним для себя некоторые следствия.

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает «плутократическое» рекрутирование политических руководящих слоев. Но последнее, конечно, еще не означает обратного: что наличие такого плутократического руководства предполагало бы *отсутствие* у политически господствующего слоя стремления также жить и «за счет» политики, то есть использовать свое политическое господство и в частных экономических интересах. Об этом, конечно, нет и речи. Не было такого слоя, который не делал бы нечто подобное каким-то образом. Мы сказали только одно: профессиональные политики непосредственно не вынуждены искать вознаграждение за свою политическую деятельность, на что просто должен претендовать всякий неимущий политик. А с другой стороны, это не означает, что, допустим, не имеющие состояния политики исключительно или даже только преимущественно предполагают частнохозяйственным образом обеспечить себя посредством политики и не думают или же не думают преимущественно «о деле». Ничто бы не могло быть более неправильным. Для состоятельного человека забота об экономической «безопасности» своего существования эмпирически является – осознанно или неосознанно – кардинальным пунктом всей его жизненной ориентации. Совершенно безоглядный и необоснованный политический идеализм обнаруживается если и не исключительно, то по меньшей мере именно у тех слоев, которые находятся совершенно вне круга, заинтересованного в сохранении экономического порядка определенного общества; это в особенности относится к внеобыденным, то есть революционным, эпохам. Но сказанное означает только, что не плутократическое рекрутирование политических соискателей (*Inte res senten*), вождей (*Fuhrer schaft*) и свиты (*Ge folgschaft*) связано с само собой разумеющейся предпосылкой, что они получают регулярные и надежные доходы от предприятия политики. Руководить политикой можно либо в порядке «почетной деятельности», и тогда ею занимаются, как обычно говорят, «независимые», то есть состоятельные, прежде всего, имеющие ренту люди. Или же к политическому руководству допускаются неимущие, и тогда они должны получать вознаграждение. Профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть чистым «пребендарием» («*Pirunder*») или чиновником на жалованье. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия (*Leistungen*) – чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, – либо получает твердое натуральное вознаграждение, или денежное содержание либо то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер «предпринимателя», как кондотьер, или арендатор, или покупатель должности в прошлом, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалованье как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник. В прошлом лены, дарения земли, пребенды всякого рода, а с развитием денежного хозяйства в особенности места, связанные со взиманием сборов (*Sportelpfrunden*), были типичным вознаграждением для свиты со стороны князей, одержавших победы завоевателей или удачливых глав партий; ныне партийными вождями за верную службу раздаются всякого рода должности в партиях, газетах, товариществах, больничных кассах, общинах и государствах. *Все* партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также и за патронаж над должностями. В Германии все противоборство партикуляристских и централистских устремлений закручено, прежде всего, и вокруг вопроса, какая из сил – берлинцы ли или же мюнхенцы, карлсруэсцы, дрезденцы – будет иметь патронаж над должностями. Ущемления в распределении должностей воспринимаются

партиями более болезненно, чем противодействие их предметным целям. Во Франции смена префекта, имеющая партийно-политический характер, всегда считалась большим переворотом и возбуждала больше шума, чем какая-нибудь модификация правительственной программы, имевшая почти исключительно фразеологическое значение. Со времени исчезновения старых противоположностей в истолковании конституции многие партии (именно так обстоит дело в Америке) превратились в настоящие партии охотников за местами, меняющие свою содержательную программу в зависимости от возможностей улова голосов. В Испании вплоть до последних лет две крупные партии сменяли друг друга в конвенционально закрепленной очередности в форме сфабрикованных свыше «выборов», чтобы обеспечить должностями своих сторонников. В регионах испанских колониальных владений как при так называемых выборах, так и при так называемых революциях речь всегда идет о государственной кормушке, которой намерены воспользоваться победители. В Швейцарии партии мирно распределяют между собой должности путем пропорциональных выборов, и многие из наших «революционных» проектов конституции, например первый проект, предложенный для Бадена, имели целью распространить ту же систему и на министерские посты, то есть рассматривали государство и должности в нем именно как учреждение по обеспечению доходными местами. Этим прежде всего вдохновлялась партия центра и даже провозгласила пунктом своей программы в Бадене пропорциональное распределение должностей сообразно конфессиям, то есть невзирая на успех. Вследствие общей бюрократизации с ростом числа должностей и спроса на такие должности как формы специфически *гарантированного* обеспечения данная тенденция усиливается для всех партий, и они во все большей мере становятся таким средством обеспечения для своих сторонников.

Однако ныне указанной тенденции противостоит развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся (*Arbeitschaft*), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высоко развитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь. Дилетантское управление делящих добычу политиков, которое в Соединенных Штатах заставляло сменять сотни тысяч чиновников – вплоть до почтальонов – в зависимости от исхода президентских выборов и не знало пожизненных профессиональных чиновников, давно нарушено *Civil Service Reform*. Эту тенденцию обуславливают чисто технические, неизбежные потребности управления. В Европе профессиональное чиновничество, организованное на началах разделения труда, постепенно возникло в ходе полутысячелетнего развития. Начало его формированию положили итальянские города и сеньории, а среди монархий – государства норманнских завоевателей. Решающий шаг был сделан в управлении княжескими *финансами*. По управленческим реформам императора Макса можно видеть, с каким трудом даже под давлением крайней нужды и турецкого господства чиновникам удавалось экспроприировать [власть] князя в той сфере, которая меньше всего способна была терпеть произвол господина, все еще оставшегося прежде всего рыцарем. Развитие военной техники обусловило появление профессионального офицера, совершенствование судопроизводства – вышколенного юриста. В этих трех областях профессиональное чиновничество одержало окончательную победу в развитых государствах в XVI в. Тем самым одновременно с возвышением княжеского абсолютизма над сословиями происходила постепенная передача княжеского самовластия (*Selbstherrschaft*) профессиональному чиновничеству, благодаря которому только и стала для князя возможной победа над сословиями.

Одновременно с подъемом вышколенного *чиновничества* возникали также – хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов – «руководящие *политики*». Конечно,

такие фактически главенствующие советники князей существовали с давних пор во всем мире. На Востоке потребность по возможности освободить султана от бремени личной ответственности за успех правления создала типичную фигуру «великого визиря». На Западе, прежде всего под влиянием донесений венецианских послов, жадно читаемых в дипломатических профессиональных кругах, дипломатия в эпоху Карла V-эпоху Макиавелли – впервые становилась *сознательно* практикуемым искусством, адепты которого, по большей части гуманистически образованные, рассматривали себя как вышколенный слой посвященных, подобно гуманистически образованным государственным деятелям в Китае в последнюю эпоху существования там отдельных государств. Необходимость формально единого ведения *всей* политики, включая внутреннюю, одним руководящим государственным деятелем окончательно сформировалась и стала неизбежной лишь благодаря конституционному развитию. Само собой разумеется, что и до этого, правда, постоянно появлялись такие отдельные личности, как советники или более того, по существу, руководители князей. Но организация учреждений пошла сначала даже в наиболее развитых в этом отношении государствах иными путями. Возникли *коллегиальные* высшие управленческие учреждения. Теоретически и в постепенно убывающей степени фактически они заседали под личным председательством князя, выдававшего решение. Через посредство этой коллегиальной системы, которая вела к консультативным заключениям, контрзаключениям и мотивированным решениям большинства или меньшинства; далее, благодаря тому, что он окружал себя, помимо официальных высших учреждений, сугубо личными доверенными – «кабинетом» – и через их посредство выдавал свои решения на заключения государственного совета – или как бы там еще ни называлось высшее государственное учреждение, – благодаря всему этому князь, все больше попадавший в положение дилетанта, пытался избежать неуклонно растущего влияния высокопрофессиональных чиновников и сохранить в своих руках высшее руководство; эта скрытая борьба между чиновничеством и самовластием шла, конечно, повсюду. Перемены тут происходили только вопреки парламентам и притязаниям на власть их партийных вождей. Но весьма различные условия приводили к внешне одинаковым результатам. Там, где династии удерживали в своих руках реальную власть – как это в особенности имело место в Германии, – интересы князей оказывались солидарными с интересами чиновничества *в противоположность* парламенту и его притязаниям на власть. Чиновники были заинтересованы, чтобы из их же рядов, то есть через чиновничье продвижение по службе, замещались и руководящие, то есть министерские, посты. Со своей стороны, монарх был заинтересован в том, чтобы иметь возможность назначать министров по своему усмотрению тоже из рядов чиновников. А обе вместе стороны были заинтересованы в том, чтобы политическое руководство противостояло парламенту в едином и замкнутом виде, то есть чтобы коллегиальная система была заменена единым главой кабинета. Кроме того, монарх, уже для того чтобы чисто формально оставаться вне партийной борьбы и партийных нападков, нуждался в особой личности, прикрывающей его, то есть державшей ответ перед парламентом и противостоящей ему, ведущей переговоры с партиями. Все эти интересы вели здесь к одному и тому же: появлялся единый ведущий министр чиновников. Развитие власти парламента еще сильнее вело к единству там, где она – как в Англии – пересиливала монарха. Здесь получил развитие «кабинет» во главе с единым парламентским вождем, «лидером», как постоянная комиссия игнорируемой официальными законами, фактически же единственной решающей политической силы – *партии*, находящейся в данный момент в большинстве. Официальные коллегиальные корпорации именно как таковые не являлись органами действительно господствующей силы – партии – и, таким образом, не могли быть представителями подлинного правительства. Напротив, господствующая партия, дабы утверждать свою власть внутри [государства] и иметь возможность проводить большую внешнюю политику, нуждалась в боеспособном, конфиденциально совещающемся органе, составленном только из действительно ведущих в ней деятелей, то есть именно в кабинете, а по отношению к общественности, прежде всего парламент-

ской общественности, в ответственном за все решения вожде – главе кабинета. Эта английская система в виде парламентских министерств была затем перенята на континенте, и только в Америке и испытавших ее влияние демократиях ей была противопоставлена совершенно гетерогенная система, которая посредством прямых выборов ставила избранного вождя побеждающей партии во главу назначенного им аппарата чиновников и связывала его согласием парламента только в вопросах бюджета и законодательства.

Превращение политики в «предприятие», которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории, разделенные отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты (*Fachbeamte*), с другой – «политические» чиновники. «Политические» чиновники в собственном смысле слова, как правило, внешне характеризуются тем, что в любой момент могут быть произвольно перемещены и уволены или же «направлены в распоряжение», как французские префекты или подобные им чиновники в других странах, что составляет самую резкую противоположность «независимости» чиновников с функциями судей. В Англии к категории «политических» чиновников относятся те чиновники, которые по укоренившейся традиции покидают свои посты при смене парламентского большинства и, следовательно, кабинета. Обычно с этим должны считаться те чиновники, в компетенцию которых входит общее «внутреннее управление», а составной частью «политической» деятельности здесь в первую очередь является задача сохранения «порядка» в стране, то есть существующих отношений господства. В Пруссии эти чиновники, согласно указу Путкамера, должны были под угрозой строгого взыскания «представлять политику правительства» и, равно как и префекты во Франции, использовались в качестве официального аппарата для влияния на исход выборов. Правда, большинство «политических» чиновников, согласно немецкой системе, в противоположность другим странам равны по качеству всем остальным, так как получение этих постов тоже связано с университетским обучением, специальными экзаменами и определенной подготовительной службой. Этот специфический признак современного чиновника-специалиста отсутствует у нас только у глав политического аппарата – министров. Уже при старом режиме можно было стать министром культуры Пруссии, ни разу даже не посетив никакого высшего учебного заведения, в то время как в принципе стать советником-докладчиком можно было лишь по результатам предписанных экзаменов. Само собой разумеется, профессионально обученный ответственный референт и советник-докладчик был – например, в министерстве образования Пруссии при Альтхоффе – гораздо более информирован, чем его шеф, относительно подлинных технических проблем дела, которым он занимался. Аналогично обстояли дела в Англии. Таким образом, чиновник-специалист и в отношении всех обыденных потребностей оказывался самым могущественным. И это тоже само по себе не выглядело нелепым. Министр же был именно репрезентантом *политической* констелляции власти, должен был выступать представителем ее политических масштабов и применять эти масштабы для оценки предложений подчиненных ему чиновников-специалистов или же выдавать им соответствующие директивы политического рода.

То же самое происходит и на частном хозяйственном предприятии: подлинный «суверен», собрание акционеров, настолько же лишен влияния в руководстве предприятием, как и управляемый чиновниками-специалистами «народ», а лица, определяющие политику предприятия, подчиненный банкам «наблюдательный совет» дают только хозяйственные директивы и отбирают лиц для управления, будучи не способными, однако, самостоятельно осуществлять техническое руководство предприятием. В этом отношении и нынешняя структура революционного государства, дающего абсолютным дилетантам в силу наличия у них пулеметов власть в руки и намеревающегося использовать профессионально вышколенных чиновников лишь в качестве исполнителей, – такое государство вовсе не представляет собой прин-

ципиального новшества. Трудности нынешней системы состоят совсем не в этом, но они не должны нас сейчас занимать.

Мы скорее зададим вопрос о типическом своеобразии профессионального политика, как «вождя», так и его свиты. Оно неоднократно менялось и также весьма различно и сегодня.

Как мы видели, в прошлом «профессиональные политики» появились в ходе борьбы князей с сословиями на службе у первых. Рассмотрим вкратце их основные типы.

В борьбе против сословий князь опирался на политически пригодные слои несословного характера. К ним прежде всего относились в Передней Индии и Индокитае, в буддистском Китае и Японии и ламаистской Монголии – точно так же, как и в христианских регионах Средневековья, – клирики. Данное обстоятельство имело технические основания, ибо клирики были сведущи в письме. Повсюду происходят импорт брахманов, буддистских проповедников, лам и использование епископов и священников в качестве политических советников с тем, чтобы получить сведущие в письме управленческие силы, которые могут пригодиться в борьбе императора, или князя, или хана против аристократии. Клирик, в особенности клирик, соблюдающий целибат, находился вне суеты нормальных политических и экономических интересов и не испытывал искушения домогаться для своих потомков собственной политической власти в противовес своему господину, как это было свойственно вассалу. Он был «отделен» от средств предприятия государева управления своими сословными качествами.

Второй слой такого же рода представляли получившие гуманистическое образование грамматиков (*Literaten*). Было время, когда, чтобы стать политическим советником, и прежде всего составителем политических меморандумов князя, приходилось учиться сочинять латинские речи и греческие стихи. Таково время первого расцвета школ гуманистов, когда князья учреждали кафедры поэтики; у нас эта эпоха миновала быстро и, продолжая все-таки оказывать неослабевающее влияние на систему нашего школьного обучения, не имела никаких более глубоких политических последствий. Иначе обстояло дело в Восточной Азии. Китайский мандарин является или скорее изначально являлся примерно тем, кем был гуманист у нас в эпоху Возрождения: грамматиком, получившим гуманитарное образование и успешно выдержавшим экзамены по литературным памятникам далекого прошлого. Если вы прочтете дневники Ли Хун-Чжана, то обнаружите, что даже он более всего гордится тем, что сочинял стихи и был хорошим каллиграфом. Этот слой вместе с его традициями, развившимися в связи с китайской античностью, определил всю судьбу Китая, и, быть может, подобной была бы и наша судьба, имей гуманисты в свое время хотя бы малейший шанс добиться такого же признания.

Третьим слоем была придворная знать. После того как князьям удалось лишиться дворянство его сословной политической силы, они привлекли его ко двору и использовали на политической и дипломатической службе. Переворот в нашей системе воспитания в XVII в. был связан также и с тем, что вместо гуманистов-грамматиков на службу к князьям поступили профессиональные политики из числа придворной знати.

Что касается четвертой категории, то это было сугубо английское образование; патрициат, включающий в себя мелкое дворянство и городских рантье, обозначаемый техническим термином «джентри» («*gentry*»), – слой, который князь первоначально вовлек в борьбу против баронов и ввел во владение должностями «*selfgovernment'a*»³⁴, а в результате сам затем оказывался во все большей зависимости от него. Этот слой удерживал за собой владение всеми должностями местного управления, поскольку вступил в него безвозмездно в интересах своего собственного социального могущества. Он сохранил Англию от бюрократизации, ставшей судьбой всех континентальных государств.

Пятый слой – это юристы, получившие университетское образование, – был характерен для Запада, прежде всего для Европейского континента, и имел решающее значение для всей

³⁴ Самоуправления (англ.). – Примеч. перев.

его политической структуры. Ни в чем так ярко не проявилось впоследствии влияние римского права, преобразовавшего бюрократическое позднее римское государство, как именно в том, что революционизация политического предприятия как тенденция к рациональному государству повсюду имела носителем квалифицированного юриста, даже в Англии, хотя там крупные национальные корпорации юристов препятствовали рецепции римского права. Ни в одном другом регионе мира не найти аналогов подобному процессу. Все зачатки рационального юридического мышления в индийской школе мимансы, а также постоянная забота о сохранении античного юридического мышления в исламе не смогли воспрепятствовать тому, что теологические формы мышления заглушили рациональное правовое мышление. Прежде всего, не был полностью рационализирован процессуальный подход. Это стало возможным лишь благодаря заимствованию итальянскими юристами античной римской юриспруденции, абсолютно уникального продукта, созданного политическим образованием, совершающим восхождение от города-государства к мировому господству; результатом были *usus modernus*³⁵ в сочинениях знатоков пандектного и канонического права в конце Средних веков, а также теории естественного права, порожденные юридическим и христианским мышлением и впоследствии секуляризованные. Крупнейшими представителями этого юридического рационализма выступили итальянские подеста, французские королевские юристы, создавшие формальные средства для подрыва королевской властью господства сеньоров, теоретики концилиаризма (специалисты по каноническому праву и теологи, рассуждающие при помощи категорий естественного права), придворные юристы и ученые судьи континентальных князей, нидерландские теоретики естественного права и монархомахи, английские королевские и парламентские юристы; *Noblesse de Robe*³⁶ французских парламентов и, наконец, адвокаты эпохи революции. Без этого рационализма столь же мало мыслимо возникновение абсолютистского государства, как и революция. Если вы просмотрите возражения французских парламентов или наказания французских Генеральных штатов, начиная с XVI в. вплоть до 1789 г., вы всюду обнаружите присущий юристам дух. А если вы изучите членов французского Конвента с точки зрения их профессионального представительства, то вы обнаружите в нем – несмотря на равное избирательное право – одного-единственного пролетария, очень мало буржуазных предпринимателей, но зато множество всякого рода юристов, без которых был бы совершенно немислим специфический дух, живший в этих радикальных интеллектуалах и их проектах. С тех пор современный адвокат и современная демократия составляют одно целое, а адвокаты в нашем смысле, то есть в качестве самостоятельного сословия утвердились опять-таки лишь на Западе начиная со Средних веков, постепенно сформировавшись из «ходатая» в формалистичном германском процессе под влиянием рационализации этого процесса.

Отнюдь не случайно, что адвокат становится столь значимой фигурой в западной политике со времени появления партий. Политическое предприятие делается партиями, то есть представляет собой именно предприятие заинтересованных сторон – мы скоро увидим, что это должно означать. А эффективное ведение какого-либо дела для заинтересованных в нем сторон и есть ремесло квалифицированного адвоката. Здесь он – поучительным может быть превосходство враждебной пропаганды – превосходит любого «чиновника». Конечно, он может успешно, то есть технически «хорошо», провести подкрепленное логически слабыми аргументами, то есть в этом смысле «плохое», дело. Но также только он успешно ведет дело, которое можно подкрепить логически «сильными» аргументами, то есть дело в этом смысле «хорошее». Чиновник в качестве политика, напротив, слишком часто своим технически «скверным» руководством делает «хорошее» в этом смысле дело «дурным»; нечто подобное нам пришлось пережить. Ибо проводником нынешней политики среди масс общественности все чаще ста-

³⁵ Современное применение (лат.). – Примеч. перев.

³⁶ Дворянство мантии (франц.). – Прим. перев.

новится умело сказанное или написанное слово. Взвесить его влияние – это-то и составляет круг задач адвоката, а вовсе не чиновника-специалиста, который не является и не должен стремиться быть демагогом, а если все-таки ставит перед собой такую цель, то обычно становится весьма скверным демагогом.

Подлинной профессией настоящего чиновника – это имеет решающее значение для оценки нашего прежнего режима – не должна быть политика. Он должен «управлять» прежде всего *беспристрастно* – данное требование применимо даже к так называемым политическим управленческим чиновникам, – по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены «государственные интересы», то есть жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio* – без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик – как вождь, так и его свита: *бороться*. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть – *ira et studium* – суть стихия политика, и прежде всего политического *вождя*. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу *ответственности*, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника – выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная *личная* ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права. Как раз те натуры, которые в качестве чиновников высоко стоят в нравственном отношении, суть скверные, безответственные, прежде всего в политическом смысле слова, постольку в нравственном отношении низко стоящие политики такие, каких мы, к сожалению, все время имели на руководящих постах. Именно такую систему мы называем «господством чиновников»; и, конечно, достоинства нашего чиновничества отнюдь не умаляет то, что мы, оценивая их с политической точки зрения, с позиций успеха, обнажаем ложность данной системы. Но давайте еще раз вернемся к типам политических фигур.

На Западе со времени возникновения конституционного государства, а в полной мере со времени развития демократии типом политика-вождя является «демагог». У этого слова неприятный оттенок, что не должно заставить нас забыть: первым имя «демагога» носил не Клеон, но Перикл. Не занимая должностей или же будучи в должности верховного стратега, единственной выборной должности (в противоположность должностям, занимаемым в античной демократии по жребию), он руководил суверенным народным собранием афинского демоса. Правда, слово устное использует и современная демагогия, и даже, если учесть предвыборные речи современных кандидатов, в чудовищном объеме. Но с еще более устойчивым эффектом она использует слово написанное. Главнейшим представителем данного жанра является ныне политический публицист, и прежде всего *журналист*.

В рамках нашего доклада невозможно дать даже наброски социологии современной политической журналистики. В любом аспекте данная проблема должна составить самостоятельную главу. Лишь немного из нее, безусловно, относится и к нашей теме. У журналиста та же судьба, что и у всех демагогов, а впрочем – по меньшей мере на континенте, в противоположность ситуации в Англии, да, в общем, и в Пруссии в более ранний период, – та же судьба у адвоката (и художника): он не поддается устойчивой социальной классификации. Он принадлежит к некоего рода касте париев, социально оцениваемым в «обществе» по тем ее представителям, которые в этическом отношении стоят ниже всего. Отсюда – распространенность самых диковинных представлений о журналистах и их работе. И отнюдь не каждый отдает себе отчет в том, что по-настоящему *хороший*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

В точном смысле: дарования благодати.

2.

Вебер воспроизводит в данном случае слова Заратустры из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: «Разве я жажду счастья? Я жажду свершить свой труд!» (Nietzsche F. Werke in vier Banden. Bd. Salzburg, 1985. S. 576.)